ХРОНИКА.

I.

НОВЫЙ ПРОЕКТЪ ЗАКОНА О ПОЛЬЗОВАНІИ ОРОСИТЕЛЬНЫМИ ВОДАМИ ВЪ КРЫМУ.

Въ октябрьской книжкѣ „Журнала Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ“ за 1895 годъ напечатанъ обширный докладъ П. А. Дингельштедта, озаглавленный „Законъ о водѣ для Крыма“. Авторъ доклада поставилъ себѣ цѣлью выяснить,—„какой законъ о водѣ долженъ быть выработанъ для Крыма“, причемъ онъ оговаривается, что имѣлъ въ виду „спеціальный законъ объ оросительной водѣ и никакой болѣе“. Можно высказать сожалѣніе, что докладчикъ такъ съузилъ свою задачу. Крымъ нуждается въ общемъ водномъ законодательствѣ болѣе всякой другой мѣстности Имперіи. Населенію полуострова приходится иногда съ револьверомъ въ рукахъ [1]) добывать себѣ воду рѣкъ для питья и водопоя, благодаря недостатку воды въ краѣ и отсутствію правилъ, регулирующихъ пользованіе тѣмъ количествомъ ея, какое имѣется въ наличности. Интересы орошенія сталкиваются здѣсь очень часто съ интересами удовлетворенія въ водѣ для другихъ, болѣе важныхъ, чѣмъ орошеніе, цѣлей, и послѣднія остаются иногда безъ удовлетворенія [2]). Но г. Дингельштедтъ не затрогивалъ во-

[1]) См. Сборникъ статист. свѣд. по Таврич. губ., т. IX, отд. V, стр. 65.

[2]) Приведу здѣсь два случая столкновенія интересовъ подобнаго рода, изученные мною на мѣстѣ, въ Крыму. Г. А., арендаторъ имѣнія, расположеннаго по р. Черной, отвелъ, при посредствѣ шлюза и водоподъемнаго колеса, воды послѣдней на арендуемыя имъ земли. Водою той же рѣки пользовались для

просовъ подобнаго рода въ своемъ докладѣ. Онъ спеціалистъ по части законовъ о пользованіи оросительными водами и на стр. 62 своего доклада заявляетъ, что въ теченіе почти 25 лѣтъ „онъ имѣлъ случай изучать ирригацію Кавказа и Туркестана, а съ орошеніемъ Крымскаго полуострова познакомился осенью прошлаго (1894) года, побывавъ почти во всѣхъ ирригаціонныхъ районахъ Таврической губерніи, и потому въ его распоряженіи находился и достаточный матеріалъ для сравненія ирригаціонныхъ порядковъ этихъ странъ и почва для правильной оцѣнки тѣхъ требованій, которымъ долженъ удовлетворять законъ объ оросительной водѣ". Г. Дингельштедтъ—авторъ объемистаго сочиненія, озаглавленнаго „Опытъ изученія ирригаціи Туркестанскаго края": сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей, первая озаглавлена „Обычное право. Водяное хозяйство", а вторая „Современное состояніе ирригаціи". Эта послѣдняя имѣетъ по преимуществу технический характеръ и потому не представляетъ особаго интереса для юриста, первую же намъ придется цитировать въ нижеслѣдующемъ изложеніи.

Авторъ настоящей статьи никакъ не можетъ претендовать на названіе спеціалиста по водному праву. Онъ занимался имъ лишь постольку, поскольку право это входитъ въ область аграрныхъ

водопоя поселяне дер. Кошары, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія г. А., ниже послѣдняго. Когда, въ періодъ орошенія, вода р. Черной была отведена на земли г. А., поселяне деревни очутились въ самомъ безвыходномъ положеніи: ихъ скотъ лишившись водопоя, сталъ болѣть и падать. Нужно замѣтить, что имѣніе г. А. расположено въ Симферопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, а деревня Кошары находится въ вѣдѣніи Севастопольскаго градоначальника. Къ послѣднему и обратились поселяне деревни съ просьбой вывести ихъ изъ такого затруднительнаго положенія. Севастопольскій градоначальникъ распорядился пустить воду рѣки въ ея естественное ложе, но г. А. обратился за помощью противъ такого распоряженія къ Симферопольскому исправнику, который и разрѣшилъ ему возстановить шлюзъ и орошать свои земли. Севастопольскій градоначальникъ нашелъ дѣйствія исправника неправильными и сообщилъ о нихъ Таврическому губернатору, словомъ, завязалась безконечная переписка, которая, однако, не могла разрѣшиться ничѣмъ, благодаря отсутствію закона, регулирующаго отношенія подобнаго рода.—Другой случай еще характернѣе и возбуждалъ много толковъ въ Крыму. Владѣлецъ источника р Салгира не позволилъ воспользоваться водою его для питья цѣлаго города. Упомянутый источникъ одинъ изъ самыхъ обильныхъ водою въ Крыму. Онъ вытекаетъ изъ трещины въ землѣ, въ дикой и малодоступной мѣстности у самаго подножья Чатырдага. Питаемая имъ р. Салгиръ отводится канавами въ сады, расположенные по долинѣ ея. Мнѣ лично извѣстно достаточно много случаевъ подобнаго же рода. Не сомнѣваюсь, что въ дѣйствительности число ихъ значительно.

отношеній—предметъ его постоянныхъ и уже долголѣтнихъ занятій. Но воднымъ правомъ Крыма ему пришлось заняться довольно обстоятельно, такъ какъ онъ былъ удостоенъ высокой чести быть приглашеннымъ въ особое совѣщаніе, организованное г. Министромъ Земледѣлія осенью 1894 года въ г. Симферополѣ для выработки закона о водѣ для Крыма. Результаты его изученія обычнаго воднаго права Крыма были доложены имъ въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Юридическаго Общества и, вслѣдъ за тѣмъ, напечатаны [1]). Эти обстоятельства побуждаютъ автора настоящей статьи подвергнуть еще разъ провѣркѣ какъ свои выводы, такъ и выводы г. Дингельштедта, выступающаго въ ученую литературу съ цѣлымъ проектомъ воднаго закона.

Я не буду останавливаться на той части интересующаго насъ доклада, въ которой г. Дингельштедтъ излагаетъ довольно бѣгло исторію выработки Крымскаго закона о водѣ. Эта часть доклада написана интересно, хотя и недостаточно полно. Докладчикъ далеко не воспользовался богатымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его распоряженіи. Въ дѣлахъ Министерства Земледѣлія, а ими авторъ пользовался для составленія своего историческаго очерка, хранится весьма интересное собраніе проектовъ закона о водѣ для Крыма. Г. Дингельштедтъ только перечисляетъ ихъ, не подвергая ихъ какой-либо критикѣ, тогда какъ анализъ этихъ проектовъ, сопровождающихъ ихъ объяснительныхъ записокъ, мнѣній и иной переписки, могъ бы дать весьма любопытную картину борьбы интересовъ разныхъ группъ Крымскаго населенія, а главное,—далъ бы возможность автору познакомить насъ съ нѣкоторыми общими принципіальными воззрѣніями, которыми руководствовались составители этихъ проектовъ и ихъ оффиціальные и неоффиціальные критики. Но мы не посмѣемъ поставить въ вину этого пробѣла автору, такъ какъ онъ можетъ быть объясненъ чисто внѣшними условіями его работы, и перейдемъ, поэтому, прямо къ изложенію и критикѣ важнѣйшихъ тезисовъ почтеннаго докладчика, тезисовъ, которые, по его мнѣнію, должны быть положены въ основу угла будущаго Крымскаго закона о водѣ.

Первый тезисъ г. Дингельштедта читается такъ: „дѣйствующій нынѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Крымскаго полуострова порядокъ въ ирригаціонномъ хозяйствѣ, какъ основанный на устарѣвшихъ положеніяхъ мусульманскаго права, совершенно не удовле-

[1]) См. Русская Мысль, 1895, № 8 и 9.

творяетъ большинства населенія, не разрѣшая ни вопроса о правахъ на воду, ни вопроса о порядкѣ пользованія оросительными водами, почему является необходимость въ выработкѣ спеціальнаго закона объ оросительныхъ водахъ" (стр. 60, Тезисы).

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній я противопоставлю тезису г. Дингельштедта нижеслѣдующій: „дѣйствующій нынѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Крымскаго полуострова порядокъ въ ирригаціонномъ хозяйствѣ, какъ основанный на справедливыхъ и разумныхъ началахъ мусульманскаго права и мѣстныхъ обычалхъ, какъ разрѣшающій и вопросъ о правѣ на воду, и вопросъ о порядкѣ пользованія ею вполнѣ соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, долженъ быть положенъ въ основу угла будущаго закона о пользованіи водами Крыма.

Высказываясь такъ категорически и прямо противоположно тому, что̀ утверждаетъ г. Дингельштедтъ, я тѣмъ самымъ беру на себя обязанность привести и провѣрить аргументацію какъ г. Дингельштедта, такъ и свою собственную. Начну съ перваго. На стр. 69 своего доклада г. Дингельштедтъ говоритъ, что въ Крыму „никакихъ законовъ, правилъ или положеній объ управленіи мѣстной ирригаціей не существуетъ, никто этимъ дѣломъ не завѣдуетъ, никакого спеціальнаго управленія орошеніемъ нѣтъ и все идетъ, такъ сказать, само собою"; на стр. 70 онъ говоритъ: „относительно нынѣ дѣйствующаго въ ирригаціонномъ хозяйствѣ Крыма порядка приходится сдѣлать слѣдующее заключеніе [1]): *порядокъ этотъ вполнѣ отсутствуетъ, а то, что̀ есть, т. е. непредѣленность, произволъ и безначаліе* настолько не удовлетворяютъ большинства населенія, не разрѣшая ни вопроса о правѣ на воду, ни вопроса о правахъ пользованія, и не ограждая установившагося пользованія отъ всякаго рода произвольныхъ нарушеній, что дальнѣйшее невмѣшательство правительства не можетъ продолжиться и законъ долженъ быть изданъ". Въ приведенныхъ цитатахъ нѣтъ аргументаціи. Онѣ повторяютъ тезисъ автора, добавляя къ нему лишь совершенно голословное, не подтверждаемое ни единымъ фактомъ утвержденіе, что въ области Крымскихъ водныхъ отношеній господствуютъ „неопредѣленность, произволъ и безначаліе". И читатель доклада г. Дингельштедта становится въ совершенное недоумѣніе, когда, перевернувъ нѣсколько страницъ, онъ прочтетъ слѣдующія строки: „изъ дѣлъ (разсмотрѣнныхъ въ Крыму г. Дин-

[1]) Курсивъ мой.

гельштедтомъ) *вовсе не видно, чтобы происходили какіе-либо частые споры о правахъ на воду* [1]), *напротивъ, собственно о правахъ на воду мало или совсѣмъ не спорятъ* и, напр., въ Ялтинскомъ уѣздѣ, наиболѣе изобилующемъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ этими спорами, за 10 лѣтъ возникло всего 60 дѣлъ о водѣ, а о нарушеніи правъ на воду (?) всего не болѣе 10" (стр. 100). Итакъ—съ одной стороны, въ Крымскихъ водныхъ отношеніяхъ господствуютъ „неопредѣленность, произволъ и безначаліе", а съ другой—„о правахъ на воду мало, или совсѣмъ не спорятъ". Какъ помирились эти вопіющія противорѣчія?

Дѣло въ томъ, что въ Крымскихъ водныхъ отношеніяхъ совершенно нѣтъ той „неопредѣленности, произвола и безначалія", которое представляется г. Дингельштедту. Если бы положеніе дѣлъ было тамъ именно таково, то, по справедливому замѣчанію г. Дингельштедта, „Крымъ по современному экономическому состоянію никакъ не могъ бы быть сравниваемъ съ тѣми временами ханскаго управленія, когда будто-бы ирригація процвѣтала". Теперь, по словамъ нашего автора, она процвѣтаетъ гораздо больше, чѣмъ при ханахъ. „Статистическія данныя предметовъ вывоза Крымскихъ культуръ (фрукты, виноградъ, овощи и вино) подтверждаютъ это". Г. Дингельштедтъ совершенно напрасно думаетъ, что въ Крыму „никакихъ законовъ, правилъ или положеній объ управленіи мѣстной ирригаціей не существуетъ, никто этимъ дѣломъ не завѣдуетъ, никакого спеціальнаго управленія орошеніемъ нѣтъ и все идетъ, такъ сказать, само собою". Правда, въ Крыму нѣтъ никакихъ писанныхъ законовъ о водѣ, но тамъ существуютъ писанныя правила, имѣющія обязательное значеніе для отдѣльныхъ ирригаціонныхъ районовъ. Укажу, напр., на правила, изданныя Бахчисарайскою городскою думой, на правила садовладѣльцевъ Айсавской долины, составленныя по предложенію Ѳеодосійской земской управы, на правила садовладѣльцевъ долины р. Качи, установленныя ими по добровольному соглашенію, и т. д. Я имѣлъ уже случай излагать печатно содержаніе этихъ правилъ [2]) и потому ограничусь теперь лишь замѣчаніемъ, что правила эти устанавливаютъ совершенно ясно и опредѣлительно права и обязанности каждаго изъ участниковъ орошенія, порядокъ пользованія водами, управленіе и надзоръ за воднымъ хозяйствомъ и т. д.

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) См. Русская Мысль, 1895 г., стр. 97 и слѣд.

Всего примѣчательнѣе утвержденіе автора интересующаго насъ доклада, что никто Крымской ирригаціей не завѣдуетъ и что „все идетъ тамъ, такъ сказать, само собою". Врядъ-ли вода „сама собой" потечетъ въ оросительныя канавы, требующія для своего сооруженія громадныхъ затратъ, труда и средствъ; врядъ-ли „самъ собою" въ Крыму установился порядокъ пользованія водою, если справедливо утвержденіе г. Дингельштедта, что въ Крыму „собственно о правахъ на воду мало или совсѣмъ не спорятъ". По какому-то странному недоразумѣнію г. Дингельштедтъ совершенно забылъ о существованіи въ Крыму многочисленнаго населенія, которое живетъ, мыслитъ и чувствуетъ. Вотъ это-то населеніе прорыло многоверстные оросительные каналы, провело въ нихъ воду и установило порядокъ пользованія ею безъ писаннаго закона и безъ распоряженія подлежащаго начальства. Въ цитированной уже здѣсь работѣ моей о водномъ законодательствѣ и правѣ въ Россіи я изложилъ, какія обычныя нормы водопользованія выработало населеніе въ Крыму, поскольку разумны и справедливы эти нормы и, наконецъ, поскольку онѣ соблюдаются въ настоящее время населеніемъ. Но г. Дингельштедтъ имѣетъ довольно оригинальный взглядъ на обычное право. Въ книгѣ, посвященной обычному праву (водному) Туркестанскаго края, онъ говоритъ слѣдующее: „сущность обычнаго порядка водопользованія заключается въ томъ, что все земельное хозяйство, или иными словами—всѣ условія матеріальнаго благосостоянія населенія предоставлены въ распоряженіе самихъ туземцевъ. Они управляютъ водою, т. е. распоряжаются ею, направляютъ, распредѣляютъ, словомъ—эксплоатируютъ ее, они же охраняютъ отъ нарушенія порядокъ эксплоатаціи, т. е. караютъ виновныхъ, преслѣдуютъ нарушителей обычнаго права и дѣлаютъ это по обычаю...." „Но что такое обычай и какіе это мѣстные обычаи?" спрашиваетъ г. Дингельштедтъ. „Когда говорятъ объ обычаяхъ парламентскихъ или обычаяхъ корпорацій—это всѣмъ понятно" отвѣчаетъ онъ. Точно также всѣ понимаютъ такія, напр., выраженія, какъ обычное привѣтствіе, обычное чествованіе, обычный часъ обѣда, обычный праздникъ, одежда и т. п. Но что такое обычный законъ—это далеко не такъ понятно и не столь легко объяснимо. Наиболѣе удачное опредѣленіе этого термина далъ мнѣ (т. е. г. Дингельштедту), кажется, Бентамъ. Въ его Principes de législation обычай названъ фикціей. Бентамъ прямо говоритъ, что обычай—это законъ произвольный, законъ воображаемый. Онъ рѣшительно утверждалъ, что словомъ обычай можно злоупотреблять

по произволу и называть обычаемъ, что̀ заблагоразсудится, потому что, говоритъ Бентамъ, никогда и никто не докажетъ безспорнымъ образомъ, что обычай именно таковъ, а не иной, и я (т. е. г. Дингельштедтъ) думаю, что всякій, видѣвшій обычай въ дѣйствіи, напримѣръ въ Туркестанѣ или на Кавказѣ, убѣдился, что опровергнуть мнѣніе Бентама нѣтъ никакой возможности. „Вотъ этой-то фикціи, этому воображаемому закону,—заключаетъ свое ученое повѣствованіе г. Дингельштедтъ,—предоставлено въ Туркестанѣ распоряжаться всей ирригаціей и отсюда возникалъ естественный вопросъ, можетъ ли способствовать процвѣтанію ирригаціи порядокъ охраны ея по обычаю“ [1]). Я не имѣлъ ни времени, ни охоты справляться съ тѣмъ, что̀ говорилъ объ обычномъ правѣ Бентамъ, тѣмъ болѣе, что г. Дингельштедтъ не указываетъ страницы сочиненія знаменитаго англійскаго философа и публициста, на которое онъ ссылается. Но послѣ прочтенія этихъ строкъ стало совершенно ясно, почему г. Дингельштедтъ совершенно игнорируетъ обычное право Крыма, а также получилось объясненіе и того факта, что въ книгѣ, посвященной обычному праву Туркестанскаго края, онъ почти не говоритъ о тамошнихъ обычаяхъ.

Разъ обычное право признается фикціей, то, казалось бы, нечего о немъ и разговаривать, и, чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Дингельштедтъ могъ бы совершенно обойти молчаніемъ то обычное водное право Крыма, которое стоитъ въ тѣсной связи съ религіозными воззрѣніями его населенія. Какъ извѣстно, страны мусульманскія не имѣли гражданскихъ законовъ и юридическія отношенія регулировались у нихъ такъ называемыми шаріатскими книгами, представляющими изъ себя толкованія постановленій Корана. Г. Дингельштедтъ считаетъ необходимымъ остановиться на этомъ, по его мнѣнію, устарѣвшемъ, писанномъ мусульманскомъ правѣ и пытается доказать, что оно не удовлетворяетъ большинства населенія, „не разрѣшая ни вопроса о правѣ на воду, ни вопроса о порядкѣ пользованія оросительными водами“. Послѣдуемъ за самимъ авторомъ и прослѣдимъ его аргументацію и въ этомъ отношеніи.

„Лучшимъ доказательствомъ безуспѣшности строить что-либо на началахъ мусульманскаго права“, говоритъ г. Дингельштедтъ

---

[1]) См. Н. Дингельштедтъ, Опытъ изученія ирригаціи Туркестанскаго края, СПБ., 1893, стр. 102.

на стр. 71 своего доклада, „служитъ намъ Кавказъ“ и на слѣдующихъ страницахъ излагаетъ „историческій ходъ мусульманскихъ законовъ на Кавказѣ“. Изъ этого изложенія видно, что управленіе края, ознакомившись съ мѣстными обычаями (т. е. фикціями, по опредѣленію нашего автора) „искренне считало, что дарованіемъ прежнихъ порядковъ завоеванному краю не дано, собственно говоря, никакого порядка“ и потому оно находило необходимымъ подчинить населеніе общему для Имперіи законодательству. Далѣе авторъ излагаетъ, какъ чиновникъ Легкобытовъ „обнаружилъ послѣ значительныхъ разъѣздовъ по краю, что на Кавказѣ существуютъ три рода мѣстностей относительно степени соблюденія обычаевъ. Во-первыхъ—мѣстности, гдѣ начальники совершенно игнорируютъ обычаи, во-вторыхъ—гдѣ обычаи дѣйствуютъ, т. е. признаются народомъ и начальствомъ и рѣшенія по обычаю дѣйствительно приводятся въ исполненіе, и въ-третьихъ—мѣстности, гдѣ обычаи дѣйствуютъ, но русскія власти отмѣняютъ рѣшенія по обычаю, не допуская ихъ исполненія“ (стр. 73). Собралъ ли какой-либо матеріалъ по обычному праву чиновникъ Легкобытовъ—г. Дингельштедтъ не сообщаетъ, заявляя лишь, что „результатъ всѣхъ розысковъ, произведенныхъ чиновникомъ Легкобытовымъ относительно дѣйствія обычныхъ порядковъ, сводится къ тому, что обычаи почти нигдѣ (?) не соблюдаются“ (ibid.) и что „всѣ долгіе разговоры объ изданіи мусульманскихъ законовъ кончаются тѣмъ, что по закону 3 іюля 1854 г. Закавказскимъ мусульманамъ предоставляется право руководствоваться шаріатомъ *только* по дѣламъ семейнымъ и наслѣдственнымъ, а въ 1859 году издается переводъ книги Шеряятъ-оль-исламъ о залогахъ и торговлѣ, причемъ, само собою разумѣется, мусульманскій законъ не примѣняется ни въ какихъ случаяхъ къ христіанскимъ народностямъ, обитающимъ на Кавказѣ“ (стр. 74). Изъ приведеннаго изложенія г. Дингельштедта нельзя, повидимому, извлечь какой-либо аргументаціи въ пользу утвержденія автора, что „лучшимъ доказательствомъ безуспѣшности строить что-либо на началахъ мусульманскаго права служитъ нашъ Кавказъ“. Изъ его же изложенія оказывается, что дѣйствующее въ настоящее время на Кавказѣ семейственное, наслѣдственное, залоговое и торговое право есть право мусульманское. Но авторъ не останавливается на этомъ противорѣчіи и на стр. 76 своего доклада заявляетъ: „вообще говоря, если послѣ столькихъ попытокъ на Кавказѣ не было найдено (?) достойныхъ примѣненія мусульманскихъ законовъ

или обычаевъ, то еще труднѣе было найти ихъ въ Крыму". Никакъ не могу согласиться съ почтеннымъ авторомъ изучаемаго доклада, по крайней мѣрѣ по отношенію къ водному праву Крыма. Я лично изучалъ на мѣстѣ обычные порядки Крымскаго водопользованія и безъ всякаго особаго труда, путемъ самыхъ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ систематическихъ опросовъ населенія, собралъ совершенно достаточный и полный интереса матеріалъ объ обычныхъ нормахъ водопользованія въ Крыму и часть этого матеріала напечаталъ въ изслѣдованіи моемъ о „водномъ законодательствѣ и правѣ въ Россіи" [1]).

Г. Дингельштедтъ особенно настаиваетъ на *устарѣлости* тѣхъ юридическихъ воззрѣній населенія на воду, которыя основываются на Коранѣ. „Если напримѣръ", говоритъ онъ (стр. 76), „взять такое положеніе изъ Корана: „всѣ люди товарищи относительно воды, огня, травы и лѣса", то въ практическомъ своемъ примѣненіи это изреченіе можетъ имѣть не бо́льшее значеніе, чѣмъ, напримѣръ, евангельское изреченіе: „любите другъ друга" или „всѣ люди братья" и т. п., такъ какъ и трава, и лѣсъ, и вода повсемѣстно составляютъ объекты частной собственности и являются предметомъ пользованія опредѣленныхъ лицъ и опредѣленныхъ вѣдомствъ, а потому искать въ мусульманскихъ положеніяхъ какихъ-либо основныхъ принциповъ для будущаго Крымскаго закона о водѣ представляется совершенно безцѣльнымъ". Вотъ и вся аргументація нашего автора, чтобы доказать устарѣлость основныхъ положеній мусульманскаго воднаго права. Становится неловкимъ опровергать эту тираду. Г. Дингельштедтъ какъ-будто ничего не слышалъ о принципѣ общественнаго обладанія водами, столь ясно и категорически установленномъ въ Коранѣ [2]); онъ не зналъ, что этотъ принципъ завоевываетъ себѣ все больше и больше сторонниковъ среди ученыхъ, изучающихъ водное право, что на немъ построено новѣйшее водное законодательство Западной Европы и Америки; онъ просмотрѣлъ, что на этомъ же принципѣ построенъ нашъ новѣйшій законъ о пользованіи оросительными водами Закавказья (3 декабря 1890 года) и, наконецъ, онъ не замѣтилъ, что самъ предлагаетъ основать будущій Крымскій законъ о водѣ на томъ же принципѣ. Шестой тезисъ его доклада (стр. 60) читается такъ: „всѣ оросительныя воды Крыма должны находиться въ

[1]) Русская Мысль, 1895 г., № 8 и 9.

[2]) См. по этому вопросу мои статьи въ „Русской Мысли".

непосредственномъ завѣдываніи государственной власти, но не для эксплоатаціи ихъ государствомъ, а въ цѣляхъ установленія надзора за порядкомъ пользованія и за экономическимъ распредѣленіемъ орошенія, въ интересахъ всего нуждающагося въ ирригаціи населенія". Врядъ-ли нужно прибавлять еще что-нибудь къ сказанному.

Другой принципъ, вытекающій изъ „устарѣвшихъ", по мнѣнію г. Дингельштедта, мусульманскихъ воззрѣній на воду,—есть принципъ самоуправленія населенія по отношенію къ ней. Авторъ не говоритъ о немъ ни слова въ своей перепечаткѣ [1]) изложенія мусульманскаго права по такъ называемой сокращенной Хидаѣ—комментарію на Коранъ, переведенному съ англійскаго на русскій языкъ подъ редакціей Н. И. Гродекова. Въ названной работѣ моей я изложилъ тѣ постановленія шаріатскихъ книгъ, изъ которыхъ этотъ принципъ совершенно явственно вытекаетъ, и ограничусь поэтому лишь ссылкой на нее [2]). Именно этому принципу обязана своимъ существованіемъ ирригація Крыма и Кавказа, только благодаря ему въ этихъ окраинахъ и существуютъ и порядокъ въ пользованіи водами, и справедливое ихъ распредѣленіе среди населенія. Правда, какъ въ Крыму, такъ и въ Закавказьѣ, постоянно встрѣчаются нарушенія порядка пользованія водами, основаннаго не на законѣ, а лишь на обычаѣ и свободномъ договорѣ, но причины такихъ нарушеній кроются не въ принципѣ самоуправленія водами, здѣсь господствующемъ, а, съ одной стороны, въ общемъ недостаткѣ воды, и, съ другой, въ необязательности обычныхъ нормъ для населенія, въ особенности не мусульманскаго, и незнаніи ихъ судами, которые обязаны по закону судить такого рода правонарушенія на основаніи нормъ обычнаго права.

Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько мыслей, которыя я имѣлъ случай высказывать публично при обсужденіи современнаго состоянія воднаго хозяйства въ Крыму. Изобразивъ въ краткихъ чертахъ существующій въ Крыму и Закавказьѣ порядокъ пользованія оросительными водами, я говорилъ примѣрно слѣдующее.

Какъ для государственной власти, такъ и для населенія, въ высшей степени важно, чтобы вводимая норма права не производила быстрой и неожиданной ломки сложившихся отношеній. Та-

---

[1]) См. Н. Дингельштедтъ, Опытъ изученія и т. д., стр. 138 и слѣд.

[2]) См. Русская Мысль 1895 г., № 9, стр. 90 и слѣд.

кая ломка можетъ быть оправдана только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ и всегда ведетъ за собою трудность для государственной власти провести въ жизнь новую норму права, не смотря даже на ея полную теоретическую справедливость. Съ другой стороны, населеніе съ трудомъ привыкаетъ къ вновь устанавливаемому порядку и съ глухимъ недовольствомъ и съ пассивнымъ сопротивленіемъ встрѣчаетъ его. Эти соображенія и заставляютъ правительственную власть считаться, при введеніи новаго закона, со сложившимися отношеніями, выработавшимися, при отсутствіи закона, по обычаю, съ тѣмъ фактическимъ обладаніемъ имуществами, какое существуетъ въ моментъ введенія закона, не смотря на то, что это обладаніе по обычаю или право въ силу факта не имѣетъ характера юридическаго, т. е. не облечено въ такую форму, какая требуется закономъ для доказательства существованія права. Съ такимъ именно положеніемъ вещей мы встрѣчаемся въ Крыму въ отношеніи водъ, служащихъ не только для орошенія, но и для питья, водопоя, вододѣйствующихъ и промышленныхъ заведеній. Можно съ полною увѣренностью утверждать, что какъ владѣніе, такъ и пользованіе этими водами происходитъ здѣсь не на основаніи статей 424, 406 и др. X т. ч. 1, а, отчасти, на основаніи простаго фактическаго обладанія и, отчасти, на основаніи обычая. Правда, въ актахъ, совершаемыхъ при переходѣ земельныхъ имуществъ, какъ возмездными, такъ и безвозмездными способами, указывается иногда, что тотъ или иной участокъ орошается водами той или иной рѣки или канала, что тотъ или иной владѣлецъ земли имѣетъ право пользоваться водою источника для питья, водопоя или иныхъ цѣлей, но при отсутствіи закона, опредѣляющаго самое право пользованія водою, такое упоминаніе можетъ служить лишь доказательствомъ фактическаго обладанія, могущаго быть доказаннымъ и другими способами, но не права, и, какъ то видно изъ дѣлъ Симферопольскаго окружнаго суда и рѣшеній Правительствующаго Сената, только какъ таковое оно и признавалось. Право же регулировалось обычаемъ, существованіе котораго доказывалось опросомъ свѣдущихъ и окольныхъ людей, производимымъ чинами судебнаго вѣдомства. И тутъ повторилось еще разъ то же самое, что бываетъ всегда, когда коронному суду приходится руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ нормами ему неизвѣстнаго и чуждаго обычнаго права. Стоитъ только заглянуть въ производство названныхъ выше дѣлъ, чтобы убѣдиться въ полной непригодности такого порядка. Лица судебнаго вѣдомства по-

ставлялись въ крайне затруднительное положеніе при розысканій обычая, которымъ коронный судъ долженъ былъ руководствоваться въ качествѣ закона.

Свѣдущіе и окольные люди, допрашиваемые по поводу какого-либо конкретнаго случая правонарушенія, давали обыкновенно самыя противорѣчивыя показанія, такъ какъ съ приливомъ въ край пришлаго населенія обычаи соблюдались все менѣе и становились все разнообразнѣе, и суду приходилось, чтобы придти къ какому-либо рѣшенію, придавать значеніе и вѣру показаніямъ не тѣхъ изъ опрашиваемыхъ, которые дѣйствительно знали и хранили старину, а тѣхъ, показанія которыхъ *казались* ему и болѣе справедливыми, и заслуживающими бо́льшаго довѣрія. Въ трудности, при такомъ положеніи вещей, разсчитывать на скорое, а тѣмъ болѣе справедливое рѣшеніе дѣлъ, касающихся такого важнаго и здѣсь для благосостоянія населенія хозяйственнаго блага, какъ вода, и заключается, по моему мнѣнію, необходимость замѣнить обычай закономъ и дать твердыя и неизмѣнныя правила пользованія ею, которыми какъ судья, такъ и населеніе, должны руководствоваться. Замѣнить обычай закономъ не значитъ, конечно, совершенно игнорировать обычай, забыть о его существованіи при изданіи закона. Совершенно наоборотъ: законодатель долженъ, думается мнѣ, съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ тѣмъ нормамъ и учрежденіямъ, при посредствѣ которыхъ, въ теченіе вѣковъ, регулировались имущественныя отношенія населенія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эти нормы и учрежденія соотвѣтствуютъ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ они созданы, и справедливы теоретически.

Выше было указано, что принципъ общественнаго обладанія водами ставится самимъ г. Дингельштедтомъ въ основу угла будущаго Крымскаго закона о водѣ.

Въ цитированной работѣ моей я, какъ кажется, показалъ, что этотъ принципъ необычайно живучъ въ сознаніи мусульманскаго населенія края и, мало того, что изъ него же исходятъ всѣ тѣ правила, договоры, соглашенія и т. п., которыми пришлое населеніе самаго разнообразнаго общественнаго положенія и вѣроисповѣданія пытается регулировать свои водныя отношенія. Мнѣ нѣтъ поэтому надобности приводить здѣсь какіе-либо новые или старые аргументы, чтобы доказывать, что этотъ принципъ не можетъ быть отнесенъ къ числу устарѣвшихъ. Гораздо бо́льшаго вниманія заслуживаетъ другой принципъ, вытекающій изъ религіозныхъ воззрѣній мусульманъ, изложенныхъ въ шаріатскихъ кни-

гахъ—это принципъ самоуправленія населенія по отношенію къ водѣ. На этомъ принципѣ построено все обычное управленіе водами въ Крыму.

Противъ пригодности самоуправленія населенія по отношенію къ водѣ можно, конечно, спорить. Принципъ самоуправленія водами иногда совершенно исключается въ законодательствахъ, касающихся пользованія оросительными водами, и замѣняется иногда принципомъ единоличнаго управленія ими при посредствѣ правительственныхъ чиновниковъ. Такъ организовано, напр., управленіе водами въ штатѣ Іомингъ (Wyoming) Сѣверной Америки. Во главѣ воднаго управленія этого штата поставленъ инженеръ (State engineer), назначаемый губернаторомъ штата и утверждаемый въ должности сенатомъ. Ему подчинены четыре такъ называемые Division superintendents—начальники водныхъ отдѣловъ (water divisions), территорія которыхъ опредѣлена закономъ. Эти лица назначаются губернаторомъ штата съ согласія сената на пять лѣтъ. Инженеръ штата и начальники округовъ составляютъ такъ называемое бюро контроля (Board of control)—коллегіальное учрежденіе, собирающееся два раза въ году. Главная обязанность этого учрежденія заключается въ опредѣленіи пріоритетовъ пользованія водою (priorities of appropriations) и въ разсмотрѣніи, въ подлежащихъ случаяхъ, дѣйствій инженера штата. На обязанности этого же бюро лежитъ постепенное, по мѣрѣ нужды, учрежденіе водныхъ округовъ (water districts), завѣдываніе которыми ввѣряется т. н. комиссіонерамъ (water commissioners) и ихъ временнымъ помощникамъ. Эти лица утверждаются въ должности губернаторомъ, по представленію начальниковъ отдѣловъ, и являются фактическими распредѣлителями воды на мѣстахъ. Думаю, что здѣсь излишне упоминать, что законъ точно опредѣляетъ какъ права населенія въ отношеніи пользованія водою, такъ и обязанности только-что названныхъ должностныхъ лицъ [1]).

Такая простота воднаго управленія штата Іомингъ объясняется въ большой мѣрѣ самыми условіями его ирригаціоннаго хозяйства. Штатъ орошается водами большихъ рѣкъ, и вода, поднятая изъ нихъ тѣмъ или инымъ способомъ, подлежитъ самому точному учету и измѣренію. Государство, которое является здѣсь собственникомъ всѣхъ оросительныхъ водъ, отпускаетъ не болѣе одного кубическаго

[1]) См. Abstract of the Laws of the several States and Territories on Irrigation and Water-rights. Washington, 1893, оффиціальное изданіе.

фута въ секунду на каждые 70 акровъ орошаемой земли, обязуя въ то же время владѣльцевъ послѣдней устраивать такіе водооросительныя и водоохранительныя сооруженія и измѣрительные приборы, какіе оно считаетъ нужнымъ. При той легкости, съ которой образуются въ Сѣверной Америкѣ всевозможныя промышленныя предпріятія, часто совершенно дутыя, при той спекуляціи на земли, въ особенности орошаемыя, какая существуетъ въ этой странѣ, управленіе водами при посредствѣ чиновниковъ, отвѣтственныхъ не только въ порядкѣ уголовномъ, но и въ гражданскомъ, за всякое нарушеніе разъ на всегда установленныхъ правилъ пользованія ими, и находитъ себѣ, быть можетъ, полное оправданіе. Но въ совершенно другихъ условіяхъ находится ирригація Крымскаго полуострова. Ирригація въ Америкѣ возникла, можно сказать, на нашихъ глазахъ, тогда какъ въ Крыму она существуетъ уже много вѣковъ. Если въ штатѣ Іомингъ и другихъ въ настоящее время приходится создавать водное управленіе, чтобы тѣмъ самымъ облегчить населенію переходъ къ болѣе интенсивному ирригаціонному хозяйству, то въ Крыму приходится имѣть дѣло уже съ сложившимся по обычаю воднымъ управленіемъ, разрушать которое врядъ-ли имѣется достаточное основаніе. Если въ штатѣ Іомингъ вполнѣ допустимо справедливое и совершенно безобидное для всякаго распредѣленіе воды путемъ отпуска точно измѣреннаго и заранѣе опредѣленнаго количества ея, то такое же распредѣленіе оказалось бы величайшею несправедливостью въ Крыму. Оросительной воды здѣсь очень мало. Быть можетъ, когда вершины Крымскихъ горъ будутъ покрыты лѣсами, или когда будутъ устроены грандіозныя сооруженія, которыя дадутъ возможность использовать для земледѣльческой культуры тѣ потоки воды, которые съ бѣшенымъ ревомъ низвергаются каждою весною съ этихъ горъ въ море, теряясь безъ пользы и принося лишь разрушеніе,—и въ Крыму можно будетъ отпускать воду нуждающимся въ ней для орошенія, прямо опредѣливъ то количество, которое для этой цѣли нужно; но пока не облѣсена Яйла, не устроены водохранилища и орошать земли приходится изъ едва замѣтныхъ ручейковъ, врядъ-ли можно достигнуть справедливаго распредѣленія воды при посредствѣ чиновниковъ, хотя-бы самыхъ идеальныхъ и проникнутыхъ сознаніемъ важности возложенной на нихъ задачи, но постороннихъ самому населенію, не живущихъ среди тѣхъ условій, среди которыхъ живетъ это послѣднее.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) я изложилъ тѣ способы, при посред-

[1]) Русская Мысль, № 9, стр. 92 и слѣд

ствѣ которыхъ Крымское населеніе достигаетъ справедливаго распредѣленія воды. Я указывалъ тамъ на тѣсную связь, существующую между этими способами и топографическими, геологическими, почвенными и иными условіями каждой данной мѣстности. Никакой чиновникъ не въ состояніи будетъ знать и предвидѣть эти условія, ибо эти послѣднія постоянно мѣняются и услѣдить за ихъ измѣненіями можно только живя на мѣстѣ и постоянно копаясь въ той землѣ, которую нужно орошать. Условія воднаго хозяйства Крыма таковы, что опредѣлить заранѣе, сколько воды и когда именно нужно дать ее каждому, нуждающемуся въ ней,—на мой взглядъ, рѣшительно невозможно. Какъ количество воды, приходящееся на долю каждаго участника орошенія, такъ и очередь поливовъ опредѣляются въ дѣйствительности и, надо думать, очень долго еще будутъ опредѣляться не путемъ пропуска ея черезъ водоизмѣрительные приборы—это можно было бы сдѣлать, если бы воды въ краѣ было много и общее количество ея не подвергалось такимъ страшнымъ колебаніямъ, какимъ оно подвергается изъ года въ годъ въ настоящее время,—а только послѣ тщательнаго и всесторонняго обсужденія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ нуждается въ водѣ каждый изъ заинтересованныхъ въ ней. Вотъ почему самоуправленіе водами въ Крыму есть принципъ, который не только нельзя называть устарѣвшимъ, но который должно особенно рекомендовать и защищать. Не разрушать, а укрѣпить, дать прочное основаніе тѣмъ самоуправляющимся группамъ, какія существуютъ въ краѣ по обычаю и договору, создать новыя группы, аналогичныя старымъ, долженъ, по моему мнѣнію, будущій Крымскій законъ о водѣ. Эти самоуправляющіяся группы примутъ, безъ сомнѣнія, во вниманіе всѣ обычные порядки пользованія оросительными водами постольку, поскольку они соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ ирригаціоннаго хозяйства края, отвергнутъ тѣ устарѣлые обычаи, которые тормазятъ движеніе впередъ современной ирригаціонной техники, и, что главное, облекутъ свои постановленія въ такую форму, которая будетъ служить доказательствомъ права каждаго лица, въ дѣлѣ заинтересованнаго. Можно съ большою увѣренностью дѣлать такія предсказанія потому, что тѣ письменные договоры, въ которые вступаютъ частные владѣльцы самаго разнообразнаго племеннаго состава и общественнаго положенія, почти буквально повторяютъ въ своихъ соглашеніяхъ то же самое, что существуетъ по обычаю, не облеченному въ форму писаннаго постановленія, среди кореннаго, мусульманскаго населенія края.

И весьма примѣчательно, что г. Дингельштедтъ, только-что признавшій основныя положенія мусульманскаго права устарѣвшими, не опредѣляющими ни правъ на воду, ни порядка пользованія ею, только-что утверждавшій, что неопредѣленность, произволъ и безвластіе являются характерными для воднаго хозяйства Крыма, въ одномъ изъ слѣдующихъ тезисовъ своихъ утверждаетъ, что „дѣйствующій нынѣ въ Крыму ирригаціонный порядокъ, хотя и не основанный на какомъ-либо ясномъ и положительномъ законѣ, нужно считать установившимся". Нельзя не согласиться съ этимъ утвержденіемъ и, казалось бы, г. Дингельштедтъ долженъ бы, послѣдовательно разсуждая, сказать, что законодателю остается лишь придать этому порядку, основанному на обычаѣ, силу закона и тѣмъ самымъ дать возможность какъ судамъ, такъ и населенію, руководствоваться не трудно доказуемыми обычаями, а точными правилами и постановленіями. Отсутствіе такихъ правилъ и постановленій, имѣющихъ свое основаніе въ законѣ, и есть, какъ видно изъ сказаннаго, больное мѣсто Крымскаго воднаго хозяйства. Отсутствіе такихъ правилъ и постановленій дѣлаетъ существующій надзоръ за порядками водопользованія слабымъ и часто не достигающимъ цѣли, ибо, въ особенности въ годы скудные водою, трудно заставить кого-либо повиноваться правиламъ, основаннымъ лишь на обычаѣ, далеко не у всего населенія пользующемся авторитетомъ неприкосновенности, трудно доказуемомъ на судѣ и очень часто неудовлетворяющемъ политическихъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ.

Гораздо проще смотритъ на все только-что изложенное г. Дингельштедтъ. Онъ выставляетъ и защищаетъ слѣдующій тезисъ (№ 6): „совершающіеся и нерѣдко остающіеся безнаказанными разные безпорядки и насилія въ ирригаціонномъ дѣлѣ, не должны быть приписываемы *неустановленію* [1]) правъ на воду, какъ объ этомъ нерѣдко заявляется оффиціально, а безнаказанность эта происходитъ единственно по неимѣнію въ краѣ какой-либо власти, уполномоченной вѣдать ирригаціоннымъ дѣломъ. *Не безправіе, а безвластіе составляетъ больное мѣсто Крымской ирригаціи* [2]), а потому какая-либо крутая ломка установившагося и много лѣтъ существующаго порядка не можетъ быть допущена". Въ текстѣ своего доклада г. Дингельштедтъ прибавляетъ къ сказанному въ тезисѣ лишь то, что онъ глубоко убѣжденъ, что всѣ указанные

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Авторъ подчеркиваетъ эти слова на стр. 99 доклада.

имъ безпорядки происходятъ „единственно за неимѣніемъ какой либо власти, уполномоченной вѣдать ирригаціей, и что устанавливать, опредѣлять и закрѣплять права, при настоящихъ условіяхъ воднаго дѣла въ Крыму, не можетъ имѣть другаго значенія, какъ стремленія къ пересмотру уже установившихся и окрѣпшихъ правъ, т. е. добиваться ломки существующаго порядка" (стр. 99). Странное и непонятное разсужденіе! Именно установить, опредѣлить и закрѣпить права населенія относительно пользованія водою долженъ, казалось бы, законъ, не смотря на то, что фактически, по обычаю, населеніе установляло, опредѣляло и закрѣпляло эти права само. Не отсутствіе власти—въ Крыму ея не менѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ нашего отечества,—а отсутствіе закона, опредѣляющаго порядокъ пользованія оросительными водами, есть больное мѣсто правильной ирригаціи. Прочно установить, опредѣлить и закрѣпить права, сложившіяся по обычаю, не означаетъ, очевидно, ломки существующаго порядка. Гораздо скорѣе будетъ произведена эта ломка тогда, когда въ Крыму будетъ создана именно та власть, о которой мечтаетъ г. Дингельштедтъ. На стр. 101 своего доклада, онъ въ слѣдующихъ словахъ формулируетъ задачу правительства относительно устройства въ Крыму оросительнаго дѣла. По признанію самого автора, это цѣлая программа закона, и потому я позволю себѣ привести ее здѣсь цѣликомъ. „Не входя въ разсмотрѣніе документовъ, соглашеній и всякихъ иныхъ правъ на воду, установившихся временемъ и обычаемъ, но озабочиваясь огражденіемъ общихъ интересовъ и потребностей населенія въ оросительной водѣ и установленіемъ прочнаго порядка въ водопользованіи, правительство, *во-первыхъ* [1]), предоставляетъ всѣмъ участникамъ орошенія постановить письменные приговоры, въ которыхъ и формулировать дѣйствующій на оросительныхъ канавахъ порядокъ въ пользованіи водой, и *во-вторыхъ*, возлагаетъ на особое правительственное учрежденіе главный надзоръ за эксплоатаціей всѣхъ оросительныхъ системъ и за соблюденіемъ установившагося порядка въ пользованіи орошеніемъ, принимая всѣ мѣры къ бережливому пользованію водой и прекращая пользованіе хищническое, небрежное и недобросовѣстное. Для достиженія этой цѣли правительство организуетъ спеціальное управленіе оросительными и проточными водами: издаетъ обязательныя постановленія техническія, полицейскія, санитарныя и всякія иныя: разрѣшаетъ или воспре-

[1]) Курсивъ подлинника.

щаетъ устройство новыхъ каналовъ или отводы изъ каналовъ существующихъ; отыскиваетъ и эксплоатируетъ новые источники и запасы воды; распоряжается обязательнымъ устройствомъ или переустройствомъ ирригаціонныхъ сооруженій, гдѣ это признаетъ нужнымъ: обязывается (?!) тамъ, гдѣ никакихъ соглашеній между участниками орошенія не послѣдуетъ, установить порядокъ на основахъ справедливаго распредѣленія воды (!); содѣйствуетъ частнымъ лицамъ въ улучшеніи орошенія, разрѣшаетъ вопросы о расширеніи культуръ на существующихъ каналахъ; караетъ лицъ, не исполняющихъ изданныя постановленія, и вообще ограждаетъ порядокъ отъ нарушенія, не вмѣшиваясь однако во внутреннее распредѣленіе оросительныхъ водъ между лицами и обществами, уже состоящими въ какихъ-либо обязательныхъ (обязательственныхъ?) и закономъ дозволяемыхъ отношеніяхъ, но блюдя лишь общіе ирригаціонные интересы и направляя всѣ усилія къ тому, чтобы имѣющіеся запасы оросительной воды были использованы наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ“ (стр. 101—102).

Итакъ, что проектируетъ г. Дингельштедтъ?

Предоставлять участникамъ орошенія составлять приговоры, въ которыхъ они могутъ лишь *формулировать* существующіе порядки водопользованія, значитъ, въ сущности, не предоставлять ровно ничего, такъ какъ они и въ настоящее время, по обычаю, составляютъ приговоры—не *формулирующіе* порядки пользованія водою, а *опредѣляющіе* эти порядки. Я не привязываюсь къ словамъ автора, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Именно формулировать порядки водопользованія, а не опредѣлить ихъ, предоставляетъ населенію г. Дингельштедтъ. На стр. 112 своего доклада онъ настойчиво повторяетъ: „1) ни устанавливать, ни укрѣплять, ни опредѣлять правъ на воду, т. е. опредѣлять въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлается въ Закавказьѣ, въ Крыму не представляется надобности. 2) Документовъ на право полученія опредѣленнаго или средняго количества воды выдавать не слѣдуетъ и достаточно признанія права на пользованіе водою изъ извѣстнаго источника. 3) Установившіяся и фактически существующія права на воду необходимо выяснить и сдѣлать имъ точную регистрацію, предоставивъ это выясненіе и регистрацію самимъ участникамъ орошенія“. Изъ этихъ исключающихъ другъ друга положеній приходится вывести, что участники орошенія дѣйствительно будутъ обладать лишь правомъ *формулированія* существующихъ порядковъ водопользованія, выяснятъ и будутъ вести регистрацію существующихъ правъ на

воду, а эти послѣднія ни въ какомъ случаѣ не должны быть ни установлены, ни укрѣплены, ни опредѣлены. Они должны быть только *признаны*, по мнѣнію докладчика. Подчеркнутое слово имѣетъ очевидно какой-то таинственный смыслъ, непонятный для меня.

Ничего не прибавляетъ также авторъ интересующаго насъ проекта закона, сказавъ, что право формулировать порядки водопользованія должно быть предоставлено *всѣмъ* участникамъ орошенія, потому что онъ ни на одну минуту не останавливается на труднѣйшемъ и возбуждающемъ наибольшее количество споровъ вопросѣ о приданіи законной организаціи группамъ участниковъ и ихъ компетенціи.

И если такимъ образомъ оказывается, что, по проекту г. Дингельштедта, предоставленіе участникамъ орошенія права формулировать существующіе порядки водопользованія не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ выясненіе и регистрація правъ каждаго изъ нихъ, если законъ въ то же время никакихъ правъ установлять, опредѣлять и укрѣплять не долженъ, то очевидно, все это должна будетъ сдѣлать *власть*, руководствуясь не закономъ, а усмотрѣніемъ. И г. Дингельштедтъ совершенно послѣдователенъ въ этомъ отношеніи. Онъ требуетъ, чтобы этой власти было предоставлено право не только разрѣшать или воспрещать устройство новыхъ каналовъ и переустройство старыхъ, не только распоряжаться обязательнымъ устройствомъ и переустройствомъ ирригаціонныхъ сооруженій и т. д., совершенно не спрашивая населеніе, желаетъ ли оно этого, имѣетъ ли на это средства и т. д., но требуетъ, чтобы этой власти было предоставлено закономъ право издавать обязательныя постановленія— „техническія, полицейскія, санитарныя и всякія иныя". Позволительно усомниться, чтобы это означало, что „какая-либо ломка установившагося и уже 100 лѣтъ существующаго порядка не можетъ быть допущена," какъ справедливо говоритъ авторъ на стр. 99 своего доклада.

Считая вполнѣ доказаннымъ свое положеніе, что не безправіе, а безвластіе есть больное мѣсто Крымской ирригаціи, авторъ интересующаго насъ проекта задаетъ себѣ два вопроса: 1) „нужны ли особые водные суды для рѣшенія дѣлъ изъ-за пользованія орошеніемъ и 2) не будетъ ли болѣе удобно установить судебно-административный порядокъ дѣлъ, съ предоставленіемъ подлежащимъ лицамъ власти разрѣшать окончательно тѣ дѣла, въ которыхъ за-

ключаются *только* [1]) нарушенія порядка пользованія, но не правъ на полученіе оросительной воды" (стр. 113). Заранѣе можно было предвидѣть, что авторъ дастъ отрицательный отвѣтъ на первый и положительный на второй вопросы. „Отвѣчая на эти вопросы," говоритъ г. Дингельштедтъ, нельзя прежде всего не замѣтить, что устройства какихъ-либо особыхъ водныхъ судовъ, существующихъ кое-гдѣ въ Западной Европѣ, совершенно не требуется, такъ какъ разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ воднаго права можетъ быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, предоставлено обыкновеннымъ судамъ, призваннымъ рѣшать всевозможныя дѣла, заключающія въ себѣ гораздо болѣе важные вопросы техническаго свойства, чѣмъ это можетъ встрѣтиться при разрѣшеніи водныхъ дѣлъ, вообще никакой сложности не представляющихъ, вопреки господствующаго мнѣнія. Учрежденіе особыхъ водныхъ судовъ, въ видахъ достиженія большей быстроты рѣшенія, исходитъ изъ предположенія, по моему (т. е. г. Дингельштедта) мнѣнію, ни на чемъ не основаннаго, будто-бы рѣшеніе водныхъ дѣлъ особенно не терпитъ никакой медленности; между тѣмъ, какъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что рѣшеніе вопросовъ о правахъ на воду, какъ рѣшеніе всякихъ правовыхъ вопросовъ, всегда будетъ требовать времени и никогда не можетъ достигнуть той быстроты, которая однако вполнѣ возможна при рѣшеніи судебно-административнымъ порядкомъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые не касаются нарушенія правъ на воду, а заключаютъ въ себѣ лишь нарушеніе установленнаго порядка. „Едва-ли можно оспаривать,—продолжаетъ г. Дингельштедтъ,—что между нарушеніемъ правъ и нарушеніемъ установленнаго въ водопользованіи порядка не можетъ быть проводимо никакой аналогіи и, насколько выясненіе нарушенныхъ правъ какъ въ водныхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ имущественныхъ дѣлахъ, болѣе или менѣе сложно, настолько возстановленіе нарушеннаго порядка не представляетъ никакихъ затрудненій" (ст. 114). Такъ говоритъ спеціалистъ по водному праву. Приходится замѣтить ему, что, въ виду признанія имъ ненужности установленія, опредѣленія и укрѣпленія правъ на воду, самые идеальные суды и самые идеальные чиновники, облеченные судебно-административною властью, все-таки не будутъ знать, что въ данномъ случаѣ право и что не право, что порядокъ и что безпорядокъ, и, въ виду отсутствія закона, опредѣляющаго это, какъ суды, такъ и чиновники должны будутъ

[1]) Курсивъ подлинника.

руководствоваться если не усмотрѣніемъ, то тѣмъ же, чѣмъ суды руководствуются въ настоящее время, т. е. обычаемъ. Зачѣмъ же, если это такъ, и издавать законъ?

Весьма примѣчательны также воззрѣнія автора интересующаго насъ проекта на *порядокъ* водопользованія. Врядъ-ли можно проводить ту рѣзкую грань между правомъ и порядкомъ, какую въ настоящемъ случаѣ хочетъ провести нашъ авторъ. Въ вопросахъ гражданскаго права очень часто право пользованія имуществами и порядокъ пользованія ими стоятъ въ тѣсной неразрывной связи. И въ особенности это слѣдуетъ помнить по отношенію къ водному хозяйству. Нарушеніе очереди поливокъ, выпускъ въ главную или побочную оросительную канаву большаго или меньшаго количества воды, чѣмъ то установлено, и тому подобныя нарушенія *порядка* пользованія оросительными водами всегда сопровождаются *имущественнымъ* ущербомъ для другихъ участниковъ орошенія. „Въ горячую пору орошенія", скажемъ мы словами одного государственнаго человѣка, безспорнаго и компетентнаго знатока воднаго права, „всякіе споры требуютъ немедленнаго разбора и рѣшенія: дороги тутъ не дни, а часто и часы. Разсмотрѣніе такихъ споровъ и возстановленіе нарушеннаго права должны быть обязательно и немедленно приводимы въ исполненіе. Тутъ не нужно чиновника того или иного министерства, а нужно лицо, облеченное властью по довѣрію представителей тѣхъ частныхъ интересовъ, которые здѣсь могутъ такъ легко нарушаться". И въ Крыму, какъ то я показалъ въ другомъ мѣстѣ [1]), существуютъ, по обычаю или по частному договору, должностныя лица, которымъ спеціально поручены распредѣленіе оросительной воды въ предѣлахъ общественныхъ земель и прекращеніе всякаго своевольнаго нарушенія установленнаго для той или иной группы участниковъ порядка. Врядъ-ли г. Дингельштедтъ ничего не зналъ о существованіи этихъ лицъ и, не желая производить какой бы то ни было ломки существующаго порядка, онъ, тѣмъ не менѣе, однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ водные суды Крыма, существующіе тамъ уже сотни лѣтъ, не указывая намъ при этомъ ни одного факта, на основаніи котораго мы могли бы судить о ихъ негодности. Не цѣлесообразнѣе ли было бы воспользоваться вѣковымъ ихъ опытомъ и въ будущемъ, опредѣливъ болѣе точно и порядокъ ихъ избранія и кругъ обязанностей?

Не могу обойти молчаніемъ и еще одного важнаго обстоятель-

[1]) См. указанныя выше статьи въ Русской Мысли.

ства, совершенно упущеннаго изъ виду авторомъ разбираемаго законопроекта. Въ Таврической губерніи давно уже существуютъ и дѣйствуютъ земскія учежденія. На эти учрежденія закономъ возложены обязанности попеченія о хозяйственныхъ нуждахъ населенія. Правильное водное хозяйство—есть одно изъ наиболѣе важныхъ и необходимыхъ условій матеріальнаго благосостоянія края и, казалось бы, земству болѣе, чѣмъ какому бы то ни было изъ учрежденій губерніи, приличествовало бы принять активное участіе въ установленіи какъ правъ пользованія, такъ и порядка пользованія водами полуострова.

Точно также на всѣхъ земствахъ Имперіи лежитъ обязанность *техническаго* содѣйствія народному хозяйству, а потому, казалось бы, нѣтъ никакой надобности создавать спеціальное правительственное учрежденіе для техническаго надзора за ирригаціей Крымскаго полуострова. Созданіе такого учрежденія въ Закавказскомъ краѣ, по закону 3-го декабря 1890 года, объясняется, повидимому, именно тѣмъ, что въ Закавказьѣ нѣтъ земскихъ учрежденій. Созданіе спеціальнаго воднаго правительственнаго учрежденія въ Крыму легло бы, думается мнѣ, лишь новымъ бременемъ на наше небогатое государственное казначейство и, преслѣдуя лишь спеціально-водные и потому односторонніе интересы, могло бы стать въ нежелательныя отношенія къ земству, обязанному заботиться о всѣхъ хозяйственныхъ интересахъ края. Опровергать же мнѣніе г. Дингельштедта, въ силу котораго спеціально-водное учрежденіе должно быть управомочено издавать обязательныя постановленія „техническія, полицейскія, санитарныя и всякія иныя“, я нахожу совершенно излишнимъ. Оно говоритъ за себя само.

Я кончилъ свой затянувшійся разборъ законопроекта г. Дингельштедта. Признаюсь откровенно, что я не сталъ бы тратить такъ много времени на это непріятное дѣло, если бы не надѣялся, что изъ моей критики и изслѣдованія водныхъ отношеній Крыма, напечатаннаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не вытекаютъ логически тѣ основныя положенія, на которыхъ, по моему мнѣнію, долженъ быть построенъ будущій законъ о водѣ для Крыма. Я изложу ихъ въ видѣ тезисовъ, которыми и закончу настоящую статью.

1) Дѣйствующій нынѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Крымскаго полуострова порядокъ въ ирригаціонномъ хозяйствѣ, какъ основанный на справедливыхъ и разумныхъ основаніяхъ мусульманскаго и обычнаго права, какъ разрѣшающій и вопросъ о правѣ на воду и во-

просъ о пользованіи оросительными водами, долженъ быть поставленъ въ основу угла будущаго закона о пользованіи водами Крыма.

2) Этотъ порядокъ основывается на принципѣ общественнаго обладанія водами и принципѣ самоуправленія ими населеніемъ.

3) Благодаря разнообразнымъ причинамъ, обычный порядокъ пользованія водами въ Крыму начинаетъ колебаться, и потому является необходимость въ изданіи закона, который долженъ замѣнить обычай.

4) Этотъ законъ долженъ опредѣлить: а) кто именно имѣетъ право пользоваться оросительными водами, а также опредѣлить порядокъ признанія этого права за каждымъ изъ заинтересованныхъ и тѣмъ самымъ придать существующему нынѣ фактическому и обычному пользованію водами характеръ строго-юридическій; в) онъ долженъ придать законную организацію самоуправляющимся органамъ управленія водами и опредѣлить роль земства въ ирригаціонномъ хозяйствѣ края, и наконецъ, с) онъ долженъ организовать спеціальные органы надзора за установленнымъ имъ порядкомъ и спеціальные, выборные суды для рѣшенія дѣлъ, возникающихъ изъ-за пользованія водою. Выше я старался показать, что вопросы о пользованіи водою для орошенія земель въ Крыму стоятъ въ тѣсной связи съ вопросами о пользованіи ею для питья, водопоя и другихъ цѣлей. Думаю, что вопросы о правѣ прохода, проѣзда, провода канавъ черезъ чужія земли, правѣ устройства водохранилищъ на чужихъ земляхъ и т. д. имѣютъ слишкомъ ясное значеніе для благосостоянія населенія и развитія его хозяйства, чтобы стоило здѣсь долго останавливаться на нихъ. Всѣ только-что названные вопросы затрогиваютъ животрепещущіе интересы не одного только Крыма, но и всей Россіи, и потому чѣмъ скорѣе и полнѣе ихъ разрѣшитъ законъ, тѣмъ болѣе выиграетъ населеніе.

И. Миклашевскій.